

Оглавление

Часть 1. Подарок судьбы.

1.....	5
2.....	16
3.....	22
4.....	30
5.....	43
6.....	54
7.....	64
8.....	77
9.....	86
10.....	93
11.....	102
12.....	107
13.....	119
14.....	127
15.....	142
16.....	157
17.....	167
18.....	178
19.....	186
20.....	197
21.....	207
22.....	217
23.....	227
24.....	235
25.....	242
26.....	250
27.....	257

28.....	268
29.....	273
30.....	281
31.....	287
32.....	294
33.....	301
34.....	309
35.....	315
36.....	321

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Ф. Тютчев

1.

В солнечный июньский день, напоенный винным ароматом жасмина и роз, к усадьбе Павла Осиповича Черкасова потянулись многочисленные экипажи с роскошно разодетыми гостями. Помещик Черкасов, самый богатый и знатный дворянин во всем Н-ском уезде Киевской губернии, предводитель дворянства, праздновал семнадцатилетие своей дочери — златовласой красавицы Оленьки.

Каждый из соседей-помещиков спешил поздравить девушку, чтобы не утратить благосклонности ее отца, имевшего большие связи при императорском дворе и нажившем огромное состояние, которое в последнее время он еще более приумножил, построив сахарный завод. Из помещика Черкасов невольно превратился в фабриканта, что было ново и веско в этом захолустье.

Пройдет совсем немного времени, и сахарная лихорадка охватит всю Украину и Малороссию (Полтавскую и Черниговскую губернии). Заводы вырастут, как грибы после дождя. Сельское хозяйство, подорванное крепостной системой, терпело убытки от неурожая хлеба и падежа скота, который свирепствовал на протяжении нескольких лет. Малую прибыль приходилось использовать

на покрытие многих долгов, повисших на имениях. Помещики кое-как залатывали дыры в своем хозяйстве за счет труда крепостных крестьян, приумножая барщину, облагая своих рабов все новыми повинностями, что, естественно, вызывало среди бедняков недовольство и даже бунты.

В первой половине XIX века самые дальновидные среди провинциальной знати начали создавать промышленные предприятия, которые становились символом нового времени уже не только в городах, но и в патриархальной деревне. Среди них был и Павел Черкасов, который всегда умел приспособиться к жизни и потому брал от нее больше, чем другие. Хозяйство его было огромным. Кроме завода, он владел несколькими ветряными и водяными мельницами, винокурней, виноградной и табачной плантациями, хлебными и свекольными полями, на которых изнурял рабским трудом своих крестьян. В имении у Черкасова была разбита теплица, оранжерея и роскошные цветники, выстроены большие погреба для сохранения вина и сельскохозяйственной продукции, псарня, прачечная, поварская, конюшни и хлева, флигели для гостей и дворни и много чего другого. Ему принадлежала тысяча ревизских душ. Только в самой усадьбе барину прислуживали около полусотни послушных холопов.

Черкасов имел прекрасный доход от имения. Но все же главным его богатством были не деньги, а престелная юная дочь, его отрада и гордость. Правда, ее красоту он также намеревался когда-то продать подоже, выдав замуж за богатого аристократа. И все-таки следует отдать ему должное — он любил Олю не только в предвкушении выгоды, а в первую очередь как заботливый отец, потакавая всем ее прихотям.

Вот и сегодня, в честь ее дня рождения, он устроил грандиозный праздник, не пожалев для этого огромных денег. Гости съехались не только со всего уезда, но

и с отдаленных концов губернии — у Павла Осиповича было много родственников и выгодных знакомых. Большой дом и двор были идеально убраны, все блестяло и поражало необычайной роскошью. Накрытые столы ломились от всевозможных изысканных яств и огромных букетов из белых и красных роз.

В глазах рябило от щегольских черных фраков мужчин, пышных туалетов и драгоценных уборов женщин. Гостей развлекали скрипачи из собственных крепостных Черкасова (в те времена помещики рьяно состязались в приобретении певцов и музыкантов).

Жена Черкасова, Ксения Петровна, полноватая рыжеволосая кокетка, несмотря на свои сорок лет, напропалую флиртовала с франтоватыми молодыми офицерами, очевидно, позабыв после выпитого вина о том, что она давно уже не юная девица.

Сам хозяин, еще статный сорокалетний бодрячок, с маленькими усиками и бородкой а ля Людовик XIV, не отставал от супруги и перестреливался страстными взглядами с очаровательными дамами, вполне оправдывая свою давнюю репутацию неисправимого повесы и прожигателя жизни. Поговаривали о том, что, кроме многочисленных любовниц, Черкасов имел у себя целый гарем из молоденьких крепостных наложниц, бывший вечной головной болью его дражайшей половины, бессильной, несмотря на свой крутой нрав, противостоять амурным похождениям мужа.

Итак, хозяева и гости веселились, пили, вкусно ели, до изнеможения танцевали в бальном зале под волнующую музыку скрипок, увлеченно играли в карты и с наслаждением сплетничали по углам о своих соседях и знакомых.

На этом празднике только сама виновница торжества — Ольга Черкасова казалась непривычно грустной и

здумчивой, почти не принимая участия в общем веселье. Всегда подвижная, насмешливая и ветреная, сегодня она была не похожа на саму себя. Что-то волновало ее чувствительное девичье сердце, какое-то тревожное роковое предчувствие, как будто с этого дня все должно бесповоротно измениться. Что именно? Она и сама не знала.

Оля скользила между гостями, похожая на молоденькую нимфу в своем белом атласном платье и бриллиантовой диадеме на золотистых волосах, шелковистыми локонами ниспадающими до пояса. Ее большие карие глаза лани смотрели вопросительно и возбужденно, словно она ожидала явления какого-то чуда.

Возле девушки постоянно вертелись молодые заносчивые сынки богатых помещиков, но она их словно не замечала, отвечая равнодушно и невпопад на их избитые шутки. Между тем мужские горящие взгляды жадно следовали за прекрасной именинницей по пятам, словно раздевая ее всю и покрывая безумными ласками упругие девичьи груди и стройные бедра, угадывавшиеся под легким нарядом. Все эти юнцы были похожи на разгоряченных гончих кобелей, готовых жестоко оспаривать друг у друга лакомую добычу, пока что не принадлежавшую никому из них.

В самый разгар веселья изрядно подвыпивший Черкасов (это также была его давнишняя пагубная страсть) вдруг поднялся со стула и, красуясь, воскликнул:

— А теперь, дорогая доченька, папенька порадует тебя, кроме платьев и безделушек, еще одним замечательным подарком!

Заинтригованные гости одобрительно зашумели, а сама Ольга зарделась от удовольствия и закусила в нетерпении по-детски нежные пухлые губки.

Между тем, по мановению руки хозяина, лакей предупредительно распахнул двустворчатые двери и

в залу вошел юноша лет двадцати пяти, разодетый не хуже остальных гостей, а уж своими утонченными манерами и яркой внешностью он превосходил всех присутствующих мужчин.

— Кто это? — возбужденно слышалось отовсюду. — Не сын ли это князя Маршевского, который недавно приобрел имение за рекой?

— Да это, должно быть, приезжий из столицы — на здешнюю молодежь он не похож. По всему видно — аристократ высокого полета!

Все как-то померкли перед незнакомцем, представлявшим собой редкий образец красоты и благородства.

Оля Черкасова застыла, пораженная не менее остальных, не сводя с него глаз и сгорая от любопытства, желая поскорее узнать, кем является этот импозантный посетитель — уж не придворным ли Его Величества? Все дамы и девицы млели от одного взгляда на него.

Молодой человек был, что называется, роковым красавцем, не уступая в обаянии и статности самой именинице. Представьте себе черные роскошные кудри до плеч, ярко-синие выразительные глаза, длинные темные ресницы и высокую мужественную фигуру юного Аполлона.

Незнакомец почтительно поклонился присутствующим и произнес чистым звучным голосом по-французски:

— Бонжур, месье, мадам!

Его чарующий взгляд задержался на покрасневшей Оленьке, но не более, чем на минуту, предписанную учтивостью. Он пристально взглянул на Черкасова — тот согласно кивнул ему головой. Юноша легким скользящим шагом подошел к фортепьяно и, грациозно расправив фалды черного фрака, уселся на стул

с гнутыми ножками. Он встряхнул густыми кудрями, упавшими на высокий лоб, и длинными тонкими пальцами чувствительных рук нежно прикоснулся к клавишам. Когда полились безупречные мелодичные звуки, незнакомец вдруг запел романс, и все были поражены, не менее, чем редкой красотой молодого человека, его сочным бархатистым тенором, богатым изменчивыми оттенками, и мастерством исполнения.

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подруженькой своей
Жаворонок звонкий.

Ветер песенку несет,
А кому — не знает...
Та, кому она, поймет,
От кого — узнает!

Лейся, песенка моя,
Песнь надежды сладкой:
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

Пока незнакомец пел, все сидели и стояли, не шевелясь и не подавая голоса, как замороженные. Им казалось, что они стали свидетелями какого-то чуда. Это было не просто исполнение, скорее священнодействие, непостижимое колдовство, которое вершил великий маг.

Хозяевам и гостям почудилось вдруг, что они опутаны всесильными сладкими чарами. Стены и потолок дома внезапно раздвинулись, и в зал ворвался свежий ветер, открылся привольный простор небес и полей. В душе каждого отозвалась чувственная нежная струна, разбуженная удивительным талантом певца. Как будто где-то высоко в небе, в самом зените, зазвенела серебристая трель жаворонка, ликующего от любви и свободного полета.

Но вот отзвучал последний аккорд, после чего незнакомец несколько мгновений просидел с закрытыми глазами, не убирая рук с клавиш, словно все еще пребывая в сладостных объятиях высокого вдохновения. Наконец он резко поднялся, повернулся к присутствующим и склонил голову в низком поклоне. Весь зал взорвался вдруг бурными овациями и криками «Браво!» Ему рукоплескали, дарили восхищенные улыбки и лестные комплименты. Но он оставался невозмутимым и холодно-учтивым, не изменяясь в лице и ни единым знаком не выдавая своего волнения и польщенного самолюбия артиста. Когда к нему подбежала сама именинница и в искреннем порыве поднесла ему букетик жасмина, сняв со своего корсажа, он не ответил на ее улыбку, но так пристально и испытующе посмотрел ей в глаза, что она смутилась. Однако щеки Оли зарделись, и глаза засияли еще ярче, когда она увидела, что таинственный певец украсил подаренными цветами свой фрак и при этом бросил в ее сторону быстрый взгляд, в котором можно было заметить, кроме благодарности, выразительную искру заинтересованности.

Когда Ольга и незнакомец очутились рядом, все взоры восхищенных гостей устремились на них. Ведь они, стоя близко друг от друга, невольно составили такую прекрасную пару, что ими невозможно было не залюбоваться. Юноша в черном фраке и девушка в

белоснежном платье показались всем женихом и невестой, и кое-кто даже подумал, что так оно вскоре и произойдет. Ведь просто невозможно, чтобы такие очаровательные молодые люди не влюбились друг в друга. А, может, Черкасов и пригласил незнакомца на бал именно с той целью, чтобы познакомить его со своей дочерью? Многие так подумали, и многие, к сожалению, через минуту были настолько потрясены и разочарованы внезапным открытием, что долго не могли прийти в себя.

Хозяин дома самодовольно стал рядом с яркой парой и, пьяно ухмыляясь, обратился к дочери:

— Оленька, это и есть твой подарок! Благоволя твоему пристрастию к музыке и пению, которыми ты увлекаешься с раннего детства, я привез тебе этого потрясающего певца из самого Петербурга, не пожалев на него больших денег. Ведь ради тебя, родная доченька, я готов на все! Я заплатил за него двадцать тысяч рублей! — торжествующе воскликнул он, повернувшись к притихшим гостям, на лицах которых уже начало выражаться недоумение.

— Как — двадцать тысяч?.. О чем вы говорите, папенька? — пролепетала обескураженная Оля. Лицо у певца мгновенно побледнело, но он стоял перед всеми, не шевелясь, словно обреченный на эшафоте.

— Это Дмитрий Северцев, наш новый крепостной, доченька! То есть, твой крепостной. Мне стоило немалых усилий, чтобы перехватить его у своих конкурентов. Ведь каждый не прочь заполучить такую ценную вещь!

— Вещь?! — скорее простонала, чем воскликнула девушка, пораженная и убитая. Гости зароптали, раздосадованные этим нелепым недоразумением. Ведь все они приняли незнакомца за равного себе, за аристократа, а на самом деле он был всего лишь рабом, хотя и необычайно талантливым.

Оля, трепеща, взглянула на молодого певца, чувствуя, как болезненно сжимается ее сердце. Он не смотрел в ее сторону, его холодный профиль казался высеченным из мрамора. Только ресницы юноши слегка дрожали.

— Да, вот что значит — наша варварская страна! — тихо произнес седой старичок, сидящий в дальнем углу комнаты. — Где-нибудь за границей этот бриллиант блистал бы на сцене и снискал мировую славу, а здесь он всего лишь невольник, забава для развлечения господ. Я всегда говорил, что рабство — это наше проклятие, оно губит души хозяев и холопов, как ужасная чума!

Но никто не обратил внимания на его либеральное высказывание. Все ожидали, что будет дальше.

Двое подвыпивших помещиков позволили себе даже скабрезное толкование происходящего, и их ядовитые слова не минули ушей хозяйки дома — Ксении Петровны.

— Ай да молодец, папенька! Знает, какой подарок нужен взрослой доченьке!

— Да уж! Это как раз то, что надо такой красавице. Думаю, она останется довольной столь ценным приобретением!

От их громкого хохота барыня вздрогнула и посмотрела на них с возмущением. Они замолчали, игриво поклонившись ей. Ксения Петровна с треском закрыла веер, которым начала обмахиваться, словно ей не хватало воздуха, и начала нервно пробираться между гостями поближе к мужу.

Между тем Павел Осипович, чтобы как-то уменьшить возникшее напряжение, предложил дочери также спеть и сыграть на фортепьяно.

Дмитрий отошел в сторону и стал возле окна, скрестив на груди руки и не сводя глаз с Оли. Барышня,

не в силах справиться с волнением, машинально, как лунатик, села за фортепьяно и неуверенно взяла первый аккорд. Она кое-как пропела романс, который был популярный в то время у провинциальных девиц:

Ударил час, и нам расстаться,
Быть может, должно навсегда,
Нельзя не плакать, не терзаться,
Бог весть увидимся когда...

Девушка играла и пела недурно, но в искусстве она была пока что всего лишь способной ученицей. Ей явно не хватало опыта и мастерства. Однако гости подобострастно выразили восхищение ее талантом. Молодые помещики и офицеры наперегонки бросились целовать девушке руки. Ольга, окруженная шумным роем столь блестящих поклонников, тем не менее время от времени незаметно поглядывала в сторону Дмитрия и не раз, краснея, встречала его ответный грустный взгляд. В такие минуты она чувствовала, как беспокойно начинало биться ее сердце, и так шумело в ушах и рябило в глазах, что она ничего не слышала и не видела вокруг себя. Ксения Петровна, то ли под воздействием скабрзных намеков гостей, которые услышала перед этим, то ли заметив тайное переглядывание дочери со своим крепостным, грозно и возбужденно подступила к мужу. Она поймала его за рукав, когда он целовал полную ручку молодой сочной вдовушке, и бесцеремонно оттащила в сторону.

— Что случилось, дорогая? — блаженно икнул супруг.

— Еще пока ничего не случилось, — прошипела в ответ недовольная жена. — Но может случиться!

— Вы всегда разговариваете, как Апокалипсис!

— Не смейтесь, Павел Осипович, я не шучу. Что это вам взбрело в голову — подарить дочери такого молодого и красивого крепостного?

— А вы бы хотели, Ксения Петровна, чтобы в вашей гостиной пел горбатый урод? Тем более, он дьявольски талантлив, поэтому всему научит нашу дочь!

— Да уж, научит! — саркастически усмехнулась барыня. — Тогда уж придет черед вам запеть, да будет поздно!

— Что вы меня пугаете? Хотите, как всегда, испортить мне настроение? Это вам не удастся! Я доволен тем, что порадовал Оленьку, а еще увидел, с какой завистью восприняли все новость о том, что я приобрел лучшего певца и музыканта. Пускай теперь кусают себе локти! В их домашних театрах гундосят какие-то неумытые Ваньки да Маньки, а мы теперь обладаем поистине царским сокровищем. И не надо на меня так сверкать глазами! Не пойму, чем вы недовольны? На вас вечно не угодишь!

— Вы или глупы, или притворяетесь! Неужели вы не подумали о том, что если целыми днями будут находиться рядом красивые юноша и девушка, то между ними неизбежно может что-то возникнуть?

— Ну, чему быть, того не миновать!

— Вы совсем с ума сошли!

Черкасов вдруг нахмурился:

— Если он позволит себе это что-то...

Он сжал кулаки и уверенно продолжил:

— Но этого не будет. Думаю, он знает свое место. Его бывший хозяин расписал его, как вышколенного слугу. Да посмотрите на него! Он никого не замечает вокруг себя и кажется холодным, как лед. Вы видели, как он вел себя, когда ему оказывали такие щедрые знаки внимания? Даже не улыбнулся ни разу. Да и дочь наша никогда — слышите, никогда! — не унизиться до

своего раба! Она всегда вела себя достойно и не фамильярничала с молодыми людьми, тем более со своими крепостными.

— Но у нее никогда не было такого крепостного. Слишком уж он хорош!

— Да не влюбились ли вы в него сами, голубушка?

— Господь с вами!

Ксения Петровна покраснела и отошла в сторону, принявшись снова упорно наблюдать за Дмитрием и дочерью.

После случившегося Ольга целый день была еще грустнее и задумчивее, чем с утра. Дмитрий все так же стоял возле окна в своей рассеянной меланхолии. Молодые помещики то и дело бросали на него презрительные и ревнивые взгляды, бесясь от того, что, несмотря на свое жалкое положение, он все же сильно выигрывал у них внешностью и благородством манер.

2.

Вечером, когда с озера повеяло отрадной прохладой, все высыпали из дома на свежий воздух. Развлекались в саду кто чем — девицы летали вверх и вниз на качелях, мужчины играли в карты за ломберным столиком, поставленным в густой тени раскидистого вяза, а дамы, как всегда, шушукались и злословили, разбившись на небольшие кружки.

Оля заметила, что Дмитрий стоит вдали от всех, прислонившись спиной к стволу каштана, и неотрывно смотрит туда, где солнце медленно погружается в